

Кувшинов Феликс Владимирович

ОБРАЗ ИНОСТРАНЦА В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ЧИНАРЕЙ

В статье анализируется образ иностранца в рамках мифопоэтической картины мира литературно-философского сообщества чинарей. Не зная реалий зарубежного мира, чинари создавали шаблонные образы иностранцев, развивая в игровой форме русскую литературную традицию, изображающую иностранцев в негативном виде. Искаженный и упрощенный образ иностранца как нельзя лучше соответствовал принципам поэтики чинарей, для которой характерны различного рода перверсии, при этом творчеству чинарей присущ истинный интернационализм.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 114-116. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье анализируется образ иностранца в рамках мифопоэтической картины мира литературно-философского сообщества чинарей. Не зная реалий зарубежного мира, чинари создавали шаблонные образы иностранцев, развивая в игровой форме русскую литературную традицию, изображающую иностранцев в негативном виде. Искаженный и упрощенный образ иностранца как нельзя лучше соответствовал принципам поэтики чинарей, для которой характерны различного рода перверсии, при этом творчеству чинарей присущ истинный интернационализм.

Ключевые слова и фразы: повседневность; чинари; образ иностранца; модернизм; литературная традиция; литературная маска.

Кувшинов Феликс Владимирович, к. филол. н.

*Липецкий институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права
fkuvshinov@yandex.ru*

ОБРАЗ ИНОСТРАНЦА В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ МЫШЛЕНИИ ЧИНАРЕЙ©

Повседневная жизнь советского общества 1920-1930-х гг. отличалась постоянно коррелируемым дискурсом в отношении иностранцев, которые чаще всего воспринимались как враги (если только речь не шла об угнетенных социальных классах). Не имея возможности познакомиться с зарубежной жизнью, советский обыватель имел о ней весьма ограниченное представление, которое формировалось посредством социального заказа в литературе. В итоге заграничный мир в сознании многих представал как нечто фантастическое, лишённое реальных черт. Этот мир конструировался в сознании обывателя путем распространенных клише, проверить которые он был не в состоянии по вполне понятным причинам.

Однако и русские писатели в подавляющем своем большинстве о загранице могли только мечтать. Поэтому и им, как и своим читателям, зачастую приходилось довольствоваться литературными штампами, творя миф, удобный и соответствующий официальной идеологии.

В нашей работе предпринята попытка рассмотреть и объяснить негативное восприятие иностранца в контексте поэтики чинарей (Д. И. Хармс, А. И. Введенский, Л. С. Липавский, Я. С. Друскин, Н. М. Олейников и близко к ним примыкавший Н. А. Заболоцкий), выявить конституционные причины создания сниженного образа иностранца в их мифопоэтической картине мира.

В 1934-1935 гг. Л. С. Липавский ведет еженедельные записи собраний своих друзей («Разговоры»), на которых довольно часто поднимается тема восприятия иностранцев. При анализе «Разговоров» выявляется интересная тенденция: иноязычная культура почти всегда воспринимается чинарями положительно (например, разговоры о китайском искусстве, немецком романтизме и проч.), бытовая же сторона зарубежной жизни неизменно вызывает у них острое неприятие. При этом замечательным предстает тот факт, что, например, Д. И. Хармс был англоманом (любил и носил одежду в английском стиле а-ля Шерлок Холмс); немецкая культура (особенно творчество И. С. Баха, В. А. Моцарта и И. В. Гете) ценились тем же Хармсом (получившим образование в знаменитой Петершуле) и Я. К. Друскиным; Н. А. Заболоцкий ценил французскую культуру и сделал «изумительный» [14, с. 82] перевод «Гаргантюа и Пантагрюэля» для детей.

И все же оценка чинарями иностранцев может вызвать шок у неподготовленного читателя. Однако, как думается, дело здесь вовсе не в расистских и/или шовинистических настроениях (для русской культуры вообще характерен интернационализм). Более того, мифопоэтическая картина мира чинарей строится в рамках экзистенциального мироощущения, при котором ставятся бытийные вопросы, а не бытовые: бытовая сторона мира предельно снижается чинарями (это характерно и для всего русского модернизма с его утопическими стремлениями к обновленному миру и критикой мира профанного). В этом отношении достаточно обратиться к высказыванию А. И. Введенского: «Какое это имеет значение, народы и их судьбы. Важно, что сейчас люди больше думают о времени и смерти, чем прежде; остальное все, что считается важным – безразлично» [11, с. 193]. Эта интернационалистическая позиция поэта подтверждена им в поэме «Всё» (1929), где высказывается мысль о равенстве всех перед смертью: «монашка ясная скажите // кто здесь бесчувственный лежит // кто это больше уж не житель // уж больше не поляк не жид // и не голландец не испанец // и не худой американец» [3, с. 74] (*Все тексты приводятся в соответствии с авторским написанием – К. Ф.*).

Чем же объясняется откровенно грубый подход в изображении иностранцев? По всей видимости, чинари, следуя логике авангарда и стремлению идти до конца, лишь развивают традиции русской литературы, правда, в буффонной форме. Без поиска истоков чинарской «ксенофобии» неизменно будет утерян комизм «шовинистических» высказываний Хармса, Заболоцкого, Друскина и т.д. Если же проследить связь между классической русской литературой и творчеством чинарей, то становится понятным, что перед нами есть не что иное как перевертень, литературная маска. И эта связь неоднократно устанавливалась исследователями творчества чинарей и обэриутов [1; 4; 8; 12; 15; 17; 18].

В «Разговорах» многочисленные язвительные замечания чинарей чаще всего адресованы французам и немцам, т.е. тем нациям, с которыми исторически культурный диалог в России был наиболее плотным и продолжительным, и который, вместе с тем, уже в самом начале носил критический характер (например, борьба с галломанией Н. И. Новикова [13, с. 20]). В русской классической литературе сложилась литературная традиция, согласно которой народ все иностранное воспринимал неизбежно как враждебное, чужое, неприемлемое. Такое отношение простолюдина к иностранцам замечательно было описано И. А. Гончаровым, у которого «Тарантьев питал какое-то инстинктивное отвращение к иностранцам. В глазах его француз, немец, англичанин были синонимы мошенника, обманщика, хитреца или разбойника. Он даже не делал различия между нациями: они были все одинаковы в его глазах» [6, с. 53]. В этом смысле чинари продолжают русскую литературную традицию. Однако если вспомнить саму фигуру мошенника Тарантьева, то становится понятным, что в контексте поэтики чинарей речь лучше вести о литературной маске.

В «Разговорах» (в тексте у Л. С. Липавского приняты сокращения: Н. А. – Н. Заболоцкий, Я. С. – Я. Друскин, Н. М. – Н. Олейников, Л. Л. – Л. Липавский, А. И. – А. Введенский) больше всего внимания уделено трем нациям: французам, немцам и американцам.

О французях.

«Н. А., отвечая на тот же вопрос (*Т.е. что его интересует – Ф. К.*), произнес: <...> Северные народности. Уничтожение французинов» [11, с. 175].

«Я. С.: Они просто-напросто свиньи, страна свиней. Наверное, где больше бьют, там люди все-таки становятся лучше» [Там же, с. 193].

«Н. М.: Во Франции редакторы газет проверяют фельетоны, читая их извозчикам. Это правильно. Надо писать так, чтобы было понятно прачкам» [Там же, с. 225].

Все эти насмешки над французами в полной мере воплотились в черновике Хармса «Пушкин» (1936): «Когда Пушкин подрос, ему наняли учителя француза. Француз говорил с Пушкиным по-французски и научил его по-французски читать и писать. Пушкин читал много французских книг, знал наизусть много французских стихов, и даже сам попробовал писать свои стихи по-французски. И вот однажды учителю попала в руки тетрадь с французскими стихами Пушкина. Учитель начал читать стихи вслух и громко над ними смеяться. И вдруг маленький Пушкин пришёл в бешенство, подскочил к французу, вырвал у него из рук свою тетрадь, бросил её в горящую печку, расплакался и убежал» [16, т. 3, с. 253-254]. Хармсовское неприятие французского идет, возможно, от почитаемого чинарями [7; 9; 10] Велемира Хлебникова [2].

Интересен и хармсовский рассказ «Одному французу подарили диван...» (вторая половина 1930-х), в котором некий француз бессмысленно мечется между диваном, креслом и стульями. Сюжет этой миниатюры, возможно, восходит к эпизоду из «Мертвых душ», где поручик, «приехавший из Рязани», описывается как «большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую» [5, т. 5, с. 153].

О немцах.

«Н. А. (возмущенно): Немцы! У них вообще сплошное безобразие. Там, например, Тельман сидит уже который месяц в тюрьме. Можно ли это представить у нас?..» [11, с. 213].

«Л. Л.: У меня странное впечатление, что все чистые национальные типы похожи друг на друга. Чистокровный немец похож на чистокровного русского» [Там же, с. 218].

О немцах ведется речь в третьем рассказе миницикла «Однажды я пришел в Госиздат...» (1935-1936) Д. И. Хармса, где он в юмористической форме пишет о своем друге Л. С. Липавском: «Теперь я все понял: Леонид Савельевич немец. У него даже есть немецкие привычки. Посмотрите, как он ест. Ну чистый немец, да и только! Даже по ногам видно, что он немец» [16, т. 2, с. 296].

В этой миниатюре Хармс опирается опять-таки на Н. В. Гоголя, одного из любимых своих писателей, который в «Ночи перед Рождеством» (1832), описывая черта, обращается к образу немца: «Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке» [5, т. 1, с. 154].

У А. И. Введенского также нелюбимо показаны немцы. В первом случае – в стихотворении «Кончина моря» (1930) – подчеркиваются стереотипные в русском понимании черты этой нации (надутость, напускная важность):

«откуда-то идёт сановник
в его руке пижит шиповник
на всё глядит великосветски
икает редко по-немецки
и величаво горделиво
остановившись он стоит» [3, с. 119].

А в поэме «Некоторое количество разговоров (или начисто переделанный темник)» (1936-1937) Введенский в антивоенной части («Предпоследний разговор под названием один человек и война»), вспоминая Первую мировую войну, четко различает культурное наследие немцев и их милитаристский дух:

«Немцы грабят русскую землю. // Я лежу // И грабежу // Внемлю. // Немцам позор, Канту стыд» [Там же, с. 209].

Об американцах.

«Н. М.: В них есть нечто старинное. Сотни обычных вещей они делают по-своему, точно и скромно, как йоги» [11, с. 180].

Американцы вообще предстают у чинарей более привлекательными, нежели европейцы, но, как правило, глуповатыми, хотя подчеркивается их изобретательность.

В качестве примера американской глупости Хармс приводит рекламное объявление якобы из американской газеты, которое упоминается в рассказе «Друг за другом» (1930), причем американское изобретение (механизм для автоматического приподнимания шляпы в качестве приветствия) предстает как апофеоз вообще глупости, ибо следует за такими несуразицами как способ самосогревания, кипячение в молоке лошади с целью изменения ее окраса, зонтик для работающих в поле и проч.

Природа шаблонного, стереотипного изображения иностранцев у чинарей носит двойной характер. С одной стороны, это результат своеобразного следования литературной традиции. С другой, – искаженный и упрощенный образ иностранца как нельзя лучше соответствовал принципам поэтики чинарей, для которой характерны различного рода перверсии: неполноценность мира советской повседневности породила такой же искаженный мир чинарей.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. От Жуковского и Пушкина к Маяковскому и Хармсу: русская классическая поэзия как претекст литературного авангарда 1920-30-х гг. // Пушкин и время / под ред. О. Б. Лебедевой. Томск, 2010. С. 227-238.
2. Баран Х. К оппозиции Россия/Франция // Баран Х. О Хлебникове. Контексты, источники, миф. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. С. 257-259.
3. Введенский А. И. Полное собрание произведений: в 2-х т. М.: Гилея, 1993. Т. 1. Произведения 1926-1937. 285 с.
4. Герасимова А. Н. Даниил Хармс как сочинитель (Проблема чуда) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 129-139.
5. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Правда, 1984.
6. Гончаров И. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Государственное изд-во худож. лит., 1952-1955. Т. 4. Обломов. 1953. 520 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Египет амарнского периода у Хармса и Хлебникова: «Лапа» и «Ка» // Столетие Даниила Хармса: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 80-90.
8. Йованович М. А. Введенский пародист: к разбору «Елки у Ивановых» // Театр. 1991. № 11. С. 114-122.
9. Кобринский А. А. Наследники Велемира (к проблеме «обэриуты» и Хлебников). Обэриуты и хлебниковская линия традиции // Поэтика «ОБЭРИУ». М.: МКЛ № 1310, 2000. Т. I. С. 97-134.
10. Колеватых Г. М. Поэтика времени у В. Хлебникова и А. Введенского // Александр Введенский и русский авангард: материалы международной научной конференции. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. С. 48-56.
11. Липавский Л. С. Разговоры // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс. Н. Олейников: «чинари» в текстах, документах и исследованиях: в 2-х т. / сост. В. Н. Сажин. М.: Ладомир, 2000. Т. 1. С. 174-254.
12. Лошилов И. Е. Пушкин и обэриуты: два частных случая // А. С. Пушкин и духовный облик XXI столетия: доклады Международной научно-практической конференции (Семипалатинский государственный педагогический институт, 21-23 сентября 2006 г.). Семипалатинск, 2006. С. 43-47.
13. Новиков Н. И. Статьи из «Трутня» // Новиков Н. И. Избранные произведения. М. – Л.: ГИХЛ, 1951. С. 3-33.
14. Роскина Н. А. Четыре главы. Из литературных воспоминаний. Р.: УМСА-Press, 1980. 147 с.
15. Сажин В. Н. Литературные и фольклорные традиции в творчестве Д. И. Хармса // Литературный процесс в развитии русской культуры XVIII-XX веков: тезисы научной конференции. Таллинн, 1985. С. 57-61.
16. Хармс Д. И. Собрание сочинений: в 3-х т. СПб.: Азбука, 2000.
17. Cassidy S. Daniil Kharm's Parody of Dostoevskii: Antitragedy as Political Comment // Canadian-American Slavic Studies. 1984. Vol. 18. № 3. P. 268-284.
18. Chances E. B. Daniil Charms' «Old Woman» Climbs Her Family Tree: «Starucha» and the Russian Literary Past // Russian Literature. 1985. XVII. P. 353-366.

THE IMAGE OF A FOREIGNER IN THE MYTHOPOETIC THINKING OF “CHINARI”

Kuvshinov Feliks Vladimirovich, Ph. D. in Philology

Lipetsk Institute of Cooperation (Branch) of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

fkuvshinov@yandex.ru

In the article the image of a foreigner within the framework of mythopoetic world view of the literary and philosophical community “Chinari” is analyzed. Without knowledge of the realia of the foreign world “Chinari” created the stereotyped images of foreigners developing in a playful manner the Russian literary tradition which represented foreigners in a negative way. The distorted and simplistic image of a foreigner corresponded in the best way possible with the principles of the poetics of “Chinari” characterized by various types of perversion and true internationalism.

Key words and phrases: everyday life; “Chinari” (literary-philosophical community of the 1920s - 1930s); the image of a foreigner; modernism; literary tradition; Heteronym.